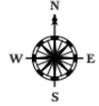

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издателя	7
Предисловие	9
Введение	13
1. Глобальная и средневековая	35
2. Бурра Сахибы, важные господа.	75
3. Битвы праведных	117
4. Вымышленная лошадь	155
5. Да здравствуют лизоблюды!	193
6. Множество полумесяцев.	233
7. Танец втроем	273
8. Новая Индия, старая Индия	313
Заключение: Не упустить XXI век	347
Указатель	379

ИНДИЯ

Автомобильная
«Золотой
четырёхугольник»

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Издательство «Мысль» выпускает в серии «Международные отношения» проекта ИРИСЭН книгу британского журналиста Эдварда Льюса «Без оглядки на богов: взлет современной Индии», ставшую одной из самых известных работ западного автора, посвященных этой уникальной стране.

Поразительный экономический подъем Индии, произошедший за последнее десятилетие и сопровождавшийся укреплением ее позиций на международной арене, вызывает большой интерес в России и других странах бывшего СССР. Каким образом бедная страна, которую еще лет двадцать назад никто не принимал всерьез в качестве экономического игрока, смогла в короткое время приобрести заметное влияние на процессы, происходящие в мировой экономике? Каким образом удастся сохранять государственное единство нации со столь пестрым этническим, религиозным и кастовым составом населения? Как в этих условиях получается сохранять подлинную, а не декоративную демократию? Каким образом на протяжении нескольких десятилетий Индии удастся избежать большой войны со своими беспокойными и не слишком дружелюбными соседями? Каковы перспективы отношений этой страны с пока доминирующей сверхдержавой — США, и почему американский истеблишмент, столь ревностно отстаивающий принцип нераспространения ядерного оружия, весьма снисходительно относится к индийским разработкам в этой сфере? Каковы сравнительные преимущества и слабые стороны Индии и Китая в экономическом соревновании друг с другом? Какова индийская философия внешней политики и как она меняется в современных условиях? На эти и на многие другие вопросы читатель найдет ответы в этой книге, и даже если эти ответы не покажутся вполне удовлетворительными, книга по меньшей мере даст серьезную пищу для размышления.

Некоторые аспекты индийского опыта модернизации, несомненно, представляют особый интерес для других стран, проходящих аналогичный путь, пусть и с других стартовых точек. Такие темы, как протекционизм и односторонняя либерализация внешней торговли, избыток государственного

регулирования бизнеса, эффективность административного управления и государственного аппарата, коррупция и клиентелизм, принципы управления и подбора сотрудников в новых предприятиях, работающих на глобальных рынках и многие другие не оставят равнодушными российских читателей.

Долгое время Индия была важнейшим партнером СССР, а затем и России на международной арене. Скорее всего так будет и впредь. И как бы ни сложилась дальнейшая судьба мирового сообщества, можно с высокой долей уверенности предположить, что Индия будет играть в нем ключевую роль. Поэтому знание и понимание этой страны совершенно необходимо всем образованным людям в России и в особенности тем, кто будет принимать участие в выработке политических решений в будущем. Поэтому Редакционный совет ИРИСЭН был единодушен в выборе книги Эдварда Льюса для издания в рамках своего издательского проекта.

Валентин ЗАВАДНИКОВ
Председатель Редакционного совета
Декабрь 2009 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга не о любви к культуре и древностям Индии. Я прочел слишком много славословий Индии, написанных иностранными авторами, чтобы пытаться встать в этот и без того длинный ряд. Моя книга об изменениях в политико-экономическом и социальном устройстве страны, будущая жизнь которой будет оказывать все большее влияние на весь остальной мир. В своих статьях об Индии в *Financial Times* я обычно придерживался отстраненного и обезличенного журналистского стиля. Эта книга написана иначе — по большей части от первого лица. Некоторые ее страницы носят критический характер, причем порой резко критический. Трудно наблюдать и описывать функционирование политической, экономической и правовой подсистем Индии, не впадая порой в гнев при виде бездумной растраты жизненных возможностей сотен миллионов индийцев, до сих пор живущих в условиях отчаянной бедности. Уровень их жизни растет — пусть и недостаточно быстро, но растет. Замечу, что трудно не впасть в отчаяние еще и оттого, что множество иностранцев и индийцев все еще предпочитают воспринимать Индию исключительно через призму духовности. Очень много написано о страсти американцев и французов воспринимать себя как нечто уникальное и исключительное (при том что ни те, ни другие не одобряют нищету). Об аналогичной страсти жителей Индии можно написать куда больше.

Но эта книга никогда бы не появилась на свет, если бы я не испытывал чувства восхищения и глубокой привязанности к Индии. За время, что я прожил здесь, Индия дала мне неожиданно много знаний о человечестве и о самой себе. Для меня и для других любознательных иностранцев Индия всегда держала двери открытыми, пусть и вводя порой в заблуждение. За исключением удивительно редких случаев, индийцы были неизменно безгранично добры, открыты, гостеприимны и терпимы к расспросам навязчивого иностранца. Сама того не желая, Индия открыла для меня и то, сколь негостеприимны бываем мы у себя на Западе — и особенно в Британии. Надеюсь, читатель поймет, что критика и привязанность

не исключают друг друга. Это поможет читателю прочувствовать развиваемую мною в книге мысль об усилении глобальной роли Индии в первые десятилетия XXI в.

Пять лет я путешествовал по Индии, наблюдал за событиями и расспрашивал людей — первые четыре года в качестве руководителя представительства *Financial Times*, а потом еще год, работая над книгой, — и крайне редко встречал отказ отвечать на вопросы или предоставить нужную мне информацию. Я взял интервью у сотен индийцев, у некоторых из них по многу раз, так что потребовалась бы особая глава только для того, чтобы привести все их имена. Поэтому в книге я упоминаю лишь тех, кто оказывал мне постоянную помощь, многие из которых стали моими друзьями. За несколькими исключениями, я опускаю имена политиков и бизнесменов, потому что открытость журналистам естественна для их профессиональных занятий. Но я хотел бы выразить свою глубокую признательность Шанкару Ачарье, Свами Агневешу, Монтеку и Ишер Ахлувалье, Мани Шанкар Айару, Сохайлу Акбару (и его чудесным родителям в Аллахабаде), Анилу Амбани, Канти Байпаю, Санье Бару, Рахулу Беди, Ягдишу Бхагвати, Суржит Бхалле, Удаю Бхаскару, Кирану Бхатти и Аслам Хану («Карену и Исламу»), Фархану Бохари, Майклу и Дженни Картер, Раму Чандре («Голу»), Викраму Чандре, Виджаю Чаутивале, Ашоку Чоугулу, Стиву П. Коэну, Таруну Дасу, Никхил Дею, Джейн Дрезе, Гордону Дагвиду, Вергезе Джорджу, Сагарика Гхошу, Омкару Госвами, Дипанкару и Мале Гупта, Шекхару Гупта, Свапану Дас Гупта, Хусейну Хаккани, Давиду Хаусго, Тони Джесудасану, Прем Шанкару Йха, Виджаю Келкару, Санилу Кхилнани, Садхиндре Кулкарни, Ханифу Лагдавалу, Камалю М, Раму Мадхаву, Мони Малхутра, Харшу Мандеру, Ашоку Мехта, Пратапу Бхану Мехта, Виноду Мехта, Марли Менон, Хозему Мерчанту и Малавике Сангхви, Анджали Модии, Джайпракаш Нарайну, Сунните Нарайну, Кишану Неги, Нандану Нилеками, Т. Н. Нинану, Удиту Раджу, Н. и Мариам Раму, Махешу Рангараджану, Аруне Рой, Раману Рою, Радждипу Сардесаю, Навреджу Сарна, Реси Шаферу, Сахелю Сету, Джотирмайя Шарму, Аджа и Соню Шукла, Аруне Сингха, Малу и Теджбистра Сингха, Н. К. Сингха, Эшли Теллиса, Карен Тапар, Ашурот Варшни и Джорджа Вергезе.

Я хотел бы подчеркнуть мою признательность следующим лицам, которые любезно выделили время на прочтение руко-

писи от начала и до конца и исправление фактических и грамматических ошибок: Майклу Артуру, Суману Бери, Рамачандру Гуха, Эндрю Дэвису Шори, Джеки Шори и Кришне Гуха. Мой агент в издательстве «А. П. Уотт» Наташа Фэрвезер оказала незаменимую помощь, давала советы и подбадривала меня в ходе сбора материалов и написания этой книги. Чрезвычайно приятной и полезной оказалась работа с редактором издательства *Doubleday* в Нью-Йорке Крис Пуополо и редактором издательства *Little, Brown* в Лондоне Тимом Уиттингом. Кроме того, я хотел бы выразить признательность газете *Financial Times*, которая не только предоставила мне годичный отпуск для сбора материалов и написания этой книги, но и оказалась идеальным работодателем для корреспондента, работающего в чужой стране. Ни одна газета не предоставляет своим журналистам столько свободы и самостоятельности в следовании своим интересам. И она по-прежнему отличается от других изданий тем, что выделяет достаточно места для серьезных статей об Индии. Редакция *FT* ни разу не попыталась навязать мне свое понимание происходящего. Очень мало изданий, о которых можно сказать то же самое.

Наконец, я признателен родителям моей жены Апарне и Прахладу Бас за то, что они поощряли мой интерес к Индии и щедро делились своими идеями и опытом. Апарна историк и много лет проработала профессором Делийского университета. Прахлад был и остается высокопоставленным чиновником в Нью-Дели. Мало кому из иностранных корреспондентов (или зятьев) удалось получить подобного рода помощь. Еще я хочу поблагодарить своих родителей, Роуз и Ричарда, которые проявили подлинный героизм, читая все, что выходило из-под моего пера, включая — как выяснилось со временем — мои дневники подросткового возраста, на которых я ясно написал: «НЕ ЧИТАТЬ». Их безоговорочная поддержка — одна из причин того, что я занимаюсь тем, чем хочу. Отчасти эта книга посвящена им. А отчасти она посвящена моей жене Прийе, чья любовь ко мне за время моей работы над этой книгой ни разу не поколебалась и чье терпение лопнуло всего пару раз, когда я повел себя чересчур эксцентрично. Она не во всем согласна со мной, зато споры с ней помогли прояснить и обогатить мои идеи. Она моя жертва и мой сообщник. К тому же Прийя и сама была одной из причин, побудивших меня написать эту книгу.

ВВЕДЕНИЕ

Западный наблюдатель воспринимает нашу цивилизацию как сплошную метафизику, подобно тому как глухой видит только движение пальцев пианиста, но не слышит музыки.

РАБИНДРАНАТ ТАГОР,
лауреат Нобелевской премии по литературе
и, наверное, величайший поэт Индии. 1913 г.

Я жил в Индии уже более четырех лет, когда встретил Андре, шестидесятитрехлетнего француза с седеющей гривой волос и страстью к ведической философии.

Было чувство, будто мы встречались до этого много раз. Я ненадолго приехал в Ауровиль, город на юге Индии, основанный в 1968 г. девяностолетней француженкой Мирой Альфасса, которую все называли Матерью. Она назвала город в честь Шри Ауробиндо, одного из самых знаменитых духовных вождей Индии, чья жизнь — от студенческих лет в Кембридже до периода подпольной борьбы с британским колониальным владычеством и, наконец, превращения в мудреца-учителя в чарующем уголке полуострова Индостан — сама по себе заслуживает отдельной книги, а то и двух. Мать, рассказал мне Андре, «покинула свое тело» в 1973 г., через 23 года после ухода Шри Ауробиндо, но, к счастью для пытливого француза, это произошло через несколько месяцев после того, как он добрался до Ауровиля.

С тех пор как Андре перебрался в Ауровиль, город — на самом деле всего лишь большой ашрам — разросся и стал прибежищем для нескольких тысяч людей западного происхождения, вроде моего француза, поглощенных поиском эликсира индийской философии. Большинство их верит, как и Андре, что Индия — страна особая. Она обладает уникальной моральной и духовной силой. Индия, говорил Андре, ключ к выживанию человечества.

Я приехал в Ауровиль, чтобы выяснить, что питает подобную веру в Индию. «Когда живешь на Западе, в Европе, чувствуешь себя полностью потерянными, — говорил Андре, любезно

пригласивший меня в свой просторный, чисто побеленный дом. Мы прихлебывали сок гибискуса. — На Западе нужно *принадлежать* к обществу и следовать определенным правилам. Предполагается, что у тебя дом, карьера, и вся жизнь нацелена на деньги. Индия другая. Индия — уникальная страна, — подчеркнул он, и его поддержали все присутствующие. — Без Индии мир обречен прозябать в нищете материализма».

Андре родился в годы Второй мировой войны и вначале жил как все, не считая того, что ему пришлось отслужить по призыву солдатом в Алжире во время массовых выступлений против французского правления. Однажды в Париже он услышал о конференции, посвященной Ауровилю. К тому времени он был знаком с «Бхагавадгитой» — вероятно, самым популярным индуистским текстом, — и у него имелось кое-какое представление о том, из чего состоит индийская философия. Вскоре после этого он уехал в Индию. До этого момента рассказ Андре был простым и понятным. Но он не объяснил, что именно привлекло его к «Бхагавадгите» и к Индии. «Для меня-то это ясно. Не знаю, что тут непонятного, — возразил Андре без раздражения. — Индия обладает многотысячелетним опытом гармонизации различий и проникновения в единую основу всего сущего. В других странах нет того самого важного, что есть в Индии, и ясно, что за всей пестротой и многообразием жизни стоит духовная реальность, называемая гармонией». У меня, должно быть, был озадаченный вид, потому что Андре счел необходимым подкрепить свою мысль. «Человечество сейчас переживает глобальный кризис, выход из которого может найти только Индия, указав путь к надсознательному существованию (*supraconsciousness*), объяснив путь перевоплощения и гармонии всего сущего, — пояснил он. — Ни одна страна не приняла бы Ауровиль. Он просто не выжил бы на Западе — там его превратили бы в культ».

Мать хотела, чтобы Ауровиль был чем-то большим, нежели просто культ. Но из всех агиографических описаний ее жизни нельзя понять, какова же она была. О ее жизни рассказывают истории, по невнятице сопоставимые с дельфийскими пророчествами. Родившаяся в Париже в 1878 г. в семье отца-турка и матери-египтянки, Мира Альфаса уже ребенком выказывала склонность к «единству с природой». Не похожая на других детей, она обладала способностью видеть происходящее далеко от нее. Она также могла «разговаривать с духами

и существами из потустороннего мира»¹. Смолоду Альфаса принялась без устали путешествовать по разным странам с разнообразными культурами в поиске ключа к пониманию сущности человеческого бытия. В 1916 г. она, наконец, добралась до Индии и встретила со Шри Ауробиндо, который и дал ответы на ее вопросы. Вместе они создали новое духовное движение, перед которым ставилась задача донести до людей весть о том, что Индия укажет человечеству путь к более высокому уровню сознания — к «супраментализму», по их выражению. В Индии были и другие аналогичные движения, а также личности, подобные Матери. Но ашрам Ауробиндо пустил более глубокие корни.

До встречи с Андре я посетил Матримандир (Храм Матери) — расположенный на возвышении огромный шар диаметром около пятидесяти метров, покрытый золотистыми дисками, похожими на лепестки цветов. Это было необычное зрелище, наводящее на мысли о космическом корабле, изготовленном в Голливуде и приземлившемся в тропиках. На обширном пространстве вокруг храма вы всегда обнаружите два-три десятка человек, которые, укрывшись в тени гигантского баньяна, занимаются йогой на почтительном удалении друг от друга. Большинство из них белые, там могут быть даже один-два человека из Лос-Анджелеса. Две-три тысячи обитателей Ауровиля, съехавшиеся сюда со всего мира, в основном ведут тот же образ жизни, что и Андре. В местном телефонном справочнике множество имен приезжих из России, Южной Кореи, Латинской Америки, Японии и Европы. Мой гид Маноб Тагор, тихий и учтивый бенгалец, исключительно приятный в общении, сообщил, что индийцев здесь куда меньше, чем кажется при перелистывании телефонной книги, потому что многие выходцы с Запада приняли индийские имена. Маноб рассказал, что в детстве его водили посмотреть на Мать. «Она всегда казалась очень спокойной, и мне тоже становилось спокойно, — сказал он. — Это запомнилось больше всего».

Андре спросил, кто я и о чем будут мои вопросы. Я сказал, что я британский журналист, живу в Индии уже несколько лет, а моя жена Прийя родом из Индии. Я хотел понять, почему эта страна столь притягательна для множества иностранцев, чего сам я не чувствую вовсе. Я не сказал ему, что, на мой взгляд,

¹ <http://www.indiayogi.com/content/indsaints/mother.asp>.

Индия слишком долго изнывает под бременем духовного величия, которое ей столетиями навязывали люди Запада, а индусы, привыкнув к этому, теперь отправляют этот товар назад — с бантиком наверху. Веками, а особенно в период английского колониального правления и после него, многие индийцы привыкли считать, что Индия — единственная метафизическая цивилизация. Для большинства из них такое мнение о самих себе куда предпочтительней того, как их воспринимали многие колониальные правители, пусть и не все. Лорд Маколей, составивший первый в истории Индии уголовный кодекс, с презрением писал, что вся индийская философия и литература не стоят одной полки западных книг. Уинстон Черчилль (и не он один) выражался еще обиднее: Индия — это «скотская страна со скотской религией», и «называть Индию „страной“ все равно, что называть „страной“ экватор»¹.

Напротив, движимый столь же эмоциональной, но куда более укорененной традицией, французский романист Андре Мальро написал: «Труднодоступная для нас своей погруженностью в грезы и время, Индия — часть Древнего Востока нашей души»². Немецкий философ Артур Шопенгауэр был неоригинален, сказав, что христианский Новый Завет, вероятно, пришел из Индии, потому что это самая благородная из известных человечеству цивилизаций³. Если выбирать между Маколеем и Мальро или между Шопенгауэром и Черчиллем, естественно предпочесть Мальро и Шопенгауэра. И хотя за последние 250 лет Запад сформулировал немало сбалансированных и научно обоснованных суждений об Индии, взгляды большинства западных обывателей все так же несут следы пренебрежения или романтизма. В значительной мере Индия досталась романтикам. Индийский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике Амартья Сен пишет: «Европейские любители экзотики нашли в Индии армию благодарных слушателей, которые алчут восхвалений в свой адрес, потому что колониальное господство причинило серьезный ущерб

¹ Ramachandra Guha, "Churchill's Indiaspeaks," *The Hindu's* Sunday magazine, June 5, 2005.

² Andre Malraux (from *Tristes Tropiques*) in Pankaj Mishra, ed., *India in Mind* (New York: Vintage Books, 2005), p. 172.

³ Amartya Sen, *The Argumentative Indian, Writings on Indian History, Culture and Identity* (New Delhi: Allen Lane, 2005), p. 152.

их самооценке». Но это относится не только к европейцам или к отдаленному прошлому. В конце 1980-х годов Сен, прибыв в Гарвардский университет, обнаружил, что в знаменитом гарвардском книжном магазине все книги об Индии стояли в отделе «Религия»¹.

Андре это понравилось бы. Но куда больше меня интересовало, не обусловлена ли для него духовная притягательность Индии ее чрезвычайной бедностью. Любой приезжий замечает, что в Индии глубокая религиозная культура бок о бок соседствует с человеческими лишениями. В Индии священное и мирское всегда неразрывно связаны. Некоторые индийские философы видели в бедности последствия деяний, совершенных бедняками в их прошлых жизнях. Похоже, что учение о реинкарнации помогает не замечать убожества здесь и сейчас. Для некоторых оно даже образует моральное обоснование нищеты. Неужели Андре не задевает зрелище окружающей его бедности? Он взглянул на меня слегка недовольно.

— Индия невероятно богата, потому что только в Индии понимают тщету материализма, — заявил он, и повторял это не раз. Он, должно быть, пытался разгадать, что у меня на уме. В наши дни в Индии явно укрепляется культ богатства. Кажется, за ним теперь гоняется полстраны. Пусть в Индии сегодня появились все эти телевизионные каналы, мобильные телефоны и все привлекательные ловушки современной жизни, но она не погрязнет во всем этом, — настаивал он. — Этого я не опасаюсь. Ведь это Индия.

Сказанное Андре нельзя отвергнуть как эксцентрические грезы хиппи или бессвязные речи адепта секты. Этот француз, глубоко погружившийся в тонкости «Ригведы», «Упанишад» и множества других индуистских источников, не был хиппи или последователем «культы» или «секты» в обычном для Запада понимании слова — с их фанатизмом, разговорами о Судном дне и оргиастическими измененными состояниями сознания. Большинство ауровильцев, как они себя называют, не пьют алкогольных напитков и не курят марихуану. К тому же от них не требуют присяги на верность каким-либо верованиям или догматам. Но все они, как и множество образованных и необразованных индийцев, верят в то, что в философском

¹ См.: Amartya Sen, Introduction to the *The Argumentative Indian*, p. xiv.

и моральном плане Индии суждено сыграть ключевую роль в будущем нашего мира.

Хотя Ауровиль населен преимущественно иностранцами, они разделяют мнения и настроения, распространенные в современной Индии. К тому же значительная часть высказываний Андре, особенно об неотмирности Индии, не вызывала бы возражений на многих вечеринках в Ноттинг-Хилле, на Монпарнасе или в Беверли-Хиллз. Иными словами, романтическое умонастроение все так же царит в головах иностранцев и самих индийцев. Более того, связанные с Индией символы, образы и речевые штампы настолько пронизаны идеей ее принадлежности к иному миру, что даже сознательные попытки отвергнуть их дают порой обратные результаты.

Когда мы расставались, Андре обнял меня и сказал, что любит меня, несмотря на мою национальность. Он примирительно добавил, что вообще-то очень не любит британцев из-за того, что они творили в Индии, и из-за их страсти все делать по своему, вроде левостороннего движения и нежелания присоединиться к европейскому Экономическому и валютному союзу — и к тому же они так высокомерны.

— Индия поможет миру перейти на высшую ступень, — сообщил он. — Каждый должен признать это, даже британец.

Он не мог не вызвать у меня симпатии.

* * *

Лет десять тому назад возник радикально иной образ Индии, во многом подпитываемый ее успехами в информационных технологиях и оффшорных службах обработки телефонных звонков (колл-центрах), а также ростом мировой популярности Болливуда — чему отчасти способствует растущее богатство и влияние индийских общин в США, Великобритании и других странах, а также успехом программы создания ядерного оружия, о котором мир узнал в 1998 г. и которому посвящено огромное количество аналитических материалов. Но этот новый образ может ввести в заблуждение точно так же, как восприятие Индии исключительно сквозь призму религии. Экономика Индии меняется очень быстро, но природа и масштаб этих перемен порой преувеличивается. Индийцы и сами забыли поговорку: «Цыплят по осени считают». В последние годы в Индии стало обычным делом говорить о стране так, будто она вот-вот обретет статус сверхдержавы.

На Индию можно взглянуть и в другом ракурсе, более показательном и заведомо более информативном, — через призму глубоко укорененной и динамичной политической культуры. В конце 1990-х годов международный медиамагнат Руперт Мердок посетил Индию, чтобы изучить перспективы создания совместного бизнеса в области спутниковых и кабельных коммуникаций. Пообщавшись с руководителями федеральных министерств в столице Индии Дели, он полетел в коммерческую столицу страны Мумбаи, чтобы встретиться с Дхирубхаи Амбани (ныне покойным), владельцем крупнейшей частной компании страны *Reliance Industries*. Амбани, имевший репутацию самого прожженного и хитрого индийского дельца своего поколения, спросил у Мердока, с кем тот встречался в Дели. Мердок перечислил — премьер-министр, министр финансов и т.п. «М-да, это все правильные люди, — сказал Амбани. — Но в Индии, чтобы чего-нибудь добиться, нужно иметь дело с неправильными людьми»¹. Он имел в виду коррумпированных политиков (и, возможно, точно таких же чиновников). У неправильных людей в Индии есть хороший шанс оказаться в числе политиков. Но порой в эту сферу попадают и правильные люди, хотя, возможно, не так часто. В ходе президентских выборов 1992 г. Билл Клинтон не устал напоминать себе, что «все дело в экономике, дурачок», а в Индии чаще всего уместно повторять «все дело в политике, дурачок». Без учета всепроникающей политической культуры и роли государства невозможно разобраться в характере экономических и религиозных изменений в Индии.

В этой книге я хочу дать беспристрастную оценку современной Индии на фоне распространенных ожиданий того, что в XXI веке она обретет статус великой державы. В первой главе рассматривается бурный, но весьма односторонний рост экономики страны. В последующих главах рассматривается вездесущее индийское государство и дается очерк основных политических движений страны. За оценкой крайне неровных отношений Индии с Пакистаном и собственным мусульманским меньшинством следует оценка трехсторонних игр Индии

¹ Впервые об этой истории рассказал Арун Шоурьи в ежегодной лекции памяти Амбани в Мумбаи в 2003 г. Подлинность этой истории позднее подтвердил автору младший сын Дхирубхаи Анил Амбани.

с Китаем и США, от которых зависит развитие мира в XXI веке. Наконец, в книге рассматривается опыт модернизации и урбанизации Индии, выявивший гибкость религиозных ценностей страны, сумевшей адаптироваться к требованиям современного мира. В заключение я рассматриваю проблемы, которые придется решить Индии в ходе ожидаемого всеми возвышения страны в ближайшие годы.

Минуло более двух поколений с 15 августа 1947 г., когда Индия «одним рывком» освободилась от британского владычества. Минуло более двух поколений и с 30 января 1948 г., когда духовный и стратегический лидер партии Индийский национальный конгресс Махатма Ганди был убит в Дели по пути на вечернюю молитву членом радикальной индуистской организации Натхурамом Годзе.

Ганди, чей личный магнетизм позволил успешно поддерживать почти полностью ненасильственный характер борьбы против британского владычества, все так же разделяет индийцев и будоражит их воображение. До сих пор не ослабевает интерес к его преобразующему, а в известном смысле и магическому воздействию на простых людей, к его способности вовлечь в борьбу за свободу массы неграмотного населения. Именно способность Ганди говорить с народом языком народа превратила борьбу за свободу, начатую группой юристов, получивших английское образование, ходивших в костюмах-тройках и мечтавших об «английском правлении без англичан», в массовое движение, охватившее всех индийцев.

Роль Ганди как мастера политической стратегии и тактики хорошо изучена и осмыслена. Куда меньше внимания уделялось влиянию антиматериалистической философии Ганди на развитие Индии после 1947 г. Это влияние во многом сохраняется до сих пор, но вовсе не усилиями тех, кто похож на нашего Андре. Общества чем-то похожи на людей. То, что происходит с ними в период становления, в значительной степени продолжает определять их характер и решения еще долго после того, как те события утрачивают первоначальный смысл. И все же вернись Ганди в сегодняшнюю Индию, многое из увиденного поразило бы его до глубины души.

В начале XXI в. Индия все более превращается в страну уверенную в себе, материалистическую и глобализованную. В 1991 г. Индия резко сменила курс экономической политики, отказавшись от установленной после обретения

независимости жесткой системы контроля и разрешений, известной как «License Raj» («владычество лицензий»). Это положило начало экономическому подъему Индии. Страна постепенно захватывает все большую долю рынка программного обеспечения США и Европы и начинает развивать обрабатывающую промышленность, способную конкурировать на мировых рынках. Индия обзавелась и военными атрибутами, приличествующими нации, претендующей на роль сверхдержавы. В стране ведутся публичные дебаты о том, когда начнется производство собственных межконтинентальных ракет с ядерными боеголовками. Это страна, чьи городские англоговорящие средние классы впитывают потребительскую культуру Запада как новую религию. Если бы Ганди не был кремирован, то он наверняка перевернулся бы в гробу.

В то же время в Индии и в XXI в. проживает, по оценке ООН, более трети хронически недоедающих детей мира, а средняя ожидаемая продолжительность жизни и уровень грамотности здесь значительно ниже, чем во многих развивающихся странах, в том числе и в Китае. Из 1,1 млрд населения Индии примерно 750 млн чел. проживают в деревнях, причем среди этих населенных пунктов почти половина не связана с сетью дорог, имеющих твердое покрытие, и не счесть таких, где жители не имеют доступа к нормально работающим начальным школам и экстренной медицинской помощи (всего в Индии 680 000 деревень). Почти половина индийских женщин не умеют читать и писать, а среди числящихся грамотными многие способны разве что написать собственное имя.

Индия остается страной, в которой значительная часть элиты все еще разделяет тезис Ганди в том, что деревня остается основным элементом индийского общества (выдвинутый в условиях борьбы за свободу, когда необходимо было привлечь массы на свою сторону). Против этой идеи выступали многие, в том числе первый премьер-министр Индии и протезе Ганди Джавахарлал Неру. Спор продолжается по сей день. Индия медленно урбанизируется, и трудно представить силу, которая остановит непрерывный рост городов. Но последователи Ганди убеждены, что деревня должна остаться священным ядром индийской государственности. Их влияние подрывает попытки улучшить планирование развития индийских городов.

В письме Неру Ганди заявлял: «Я убежден, что если Индии, а через нее и всему миру, суждено достичь истинной свободы,

то рано или поздно придется признать тот факт, что люди должны жить в деревнях, а не в городах, в хижинах, а не во дворцах. Десятки миллионов людей никогда не смогут жить в мире друг с другом, живя в городах и дворцах. Им не останется ничего, кроме как прибегнуть к лжи и насилию»¹. В книге «*Самостоятельное управление для Индии*» («Hind Swaraj»), самой значительной и, пожалуй, самой цитируемой из всех его книг, Ганди пишет: «Избавьте его [жителя деревни] от хронической бедности и неграмотности, и вы получите превосходный образец того, каким должен быть культурный, развитый и свободный гражданин... Следовать правилам морали значит добиться власти над своим умом и страстями. Поступая таким образом, мы познаем себя. Если это определение верно, тогда Индии, как показали многие авторы, нечему учиться у кого бы то ни было».

Этот элемент гордыни по поводу национальной культуры, который был характерен для Ганди, и его глубокое презрение к модернизму следует рассматривать с учетом исторического контекста, как эффективный тактический выпад в ответ на частые оскорбления колонизаторов в адрес «невежественной Индии», а также как способ повышения самооценки народных масс. Ганди был блестяще подготовлен к этой игре. Родившийся в Гуджарате, штате на западе Индии, в 1890-х годах Ганди получил в Лондоне диплом юриста. Еще до возвращения в Индию в 1913 г. он успел завоевать известность в мире, находясь в Южной Африке, где он выступил против расистского паспортного режима и был заключен в тюрьму. Именно в Южной Африке он разработал стратегию ненасильственного гражданского неповиновения, которую потом с таким блеском использовал в Индии.

Философия Ганди не сводится к тактике мобилизации масс на борьбу за свободу. Это учение о том, как должно быть организовано общество и как должны жить люди. Оно продолжает оказывать влияние на осознанные и неосознанные помыслы значительной части индийской интеллигенции. Можно привести вечный пример: без учета влияния Ганди на экономический менталитет трудно объяснить, почему Индия столь жестко ограничила возможности для роста своей текстильной

¹ M. J. Akbar, *Nehru, the Making of India* (New Delhi: Lotus Collection of Roli Books, 2005), p. 469.

промышленности и не дала ей достигнуть масштабов, более соответствующих ее потенциалу. Как известно любому специалисту по истории экономики, текстильное производство сыграло ключевую роль в индустриализации большинства обществ, от Британии в XVIII в. до Китая в XXI в. Наследие Ганди можно видеть и в структуре пошлин, благоприятных для хлопка и невыгодных для синтетических волокон¹ (хотя экспортный спрос предъясняется в основном на синтетику), и в регулировании, отбивающем у текстильных компаний стимулы для роста сверх уровня кустарной мастерской, т.е. наказывающем за коммерческий успех и поощряющем неудачников.

Некоторые виды регулирования были ослаблены после 1991 г., когда Индия изменила курс экономической политики. И многие из тех, кто сегодня изо всех сил сопротивляется дальнейшему ослаблению регулирования, делают это не из верности идеям Ганди, а как представители финансовых кругов, которым выгодно сложившееся положение. Но конкурентам Индии, и прежде всего Китаю, чей экспорт в 2005 г. вчетверо превысил текстильный экспорт Индии и обеспечил вчетверо больше рабочих мест, не приходится воевать с идейным наследием деятеля, который во многих отношениях является современным святым. Невозможно удержаться от искушения процитировать чрезвычайно популярное замечание индийского борца за свободу Сароджини Найду, которая однажды сказала о Махатме: «Удерживание последователей Ганди в бедности дорого нам обходится». И этот счетчик все еще тикает. При всем при том, как я покажу далее в этой книге, Индии было бы неплохо заново открыть для себя важнейшие идеи Ганди, касающиеся заботы об окружающей среде.

Бхимрао Амбедкар известен за пределами Индии меньше, чем Ганди. Но для миллионов индийцев он значит гораздо больше. Статуи Амбедкара в очках можно встретить в деревнях по всему плотно населенному субконтиненту. В отличие от Ганди, с которым он неоднократно и зачастую с ожесточением

¹ Ганди использовал ручную прялку для популяризации знания об эксплуататорской природе системы таможенных тарифов Британской империи, и это блестяще сработало в период борьбы за независимость. Но, как отметил Амартия Сен, после завоевания независимости такая экономическая политика стала бессмысленной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru